

ковского ва

иернатора области Екатеринбургской организацией писателей России. Но Комлев не ставит на избите точку. Уже испещрив вторскими помаркамицы перевода, пишется в комментарий в мечтательной книге. А удивляя, нестареющая поэма е князя Игоря с новой звучит актуально и в нынешнем: да прекратятся расмногострадальной руси, чтобы были «страшны, грады веселья», приведенного ниже отрывка от которого сможет в определенной степени почувствовать поэта-переводчика, пострадавшего художника Билоненко увидеть грань размышления над словесами».

Владимир БЛИНОВ, зам. ответственного редактора Екатеринбургской организации Союза писателей России.

и ююю,
зарин встал,
с руки дреава,
и незнаемой,
Посулию,
и болван.

и дорогами
икому,
цны —
и лебеди распущены:
ведет»,
тицы по дубравам,
по оврагам,
сти зверей зовут,
звленные щиты.
и за шеломенем ты...

заря-свет запала,
говор галочь убудился.

городили,
назю славы...

ЗЕМЛЯКИ

И продолжается судьба...

ВЕРХНЯЯ ПЫШМА. Управлением культуры местной администрации выпущен буклете о писателе В. Волоскове.

Он был легендой и гордостью города, который нынче отметил 70-летие со дня его рождения. Член Союза писателей СССР, Владимир Васильевич Волосков — человек уникальной судьбы. В 1942-м, стремясь побыстрее попасть на фронт, с группой друзей-свердловчан, подростком поступил в школу ВВС № 11, а в 1944-м добровольцем ушел на фронт, служил в морской авиации радиостанции. После войны — геолог. И вдруг, в 28 лет, несчастный случай. Он оказался прикован к постели. Тогда-то и переехала семья в Верхнюю Пышму. Продолевать недуг помогали семья, друзья.

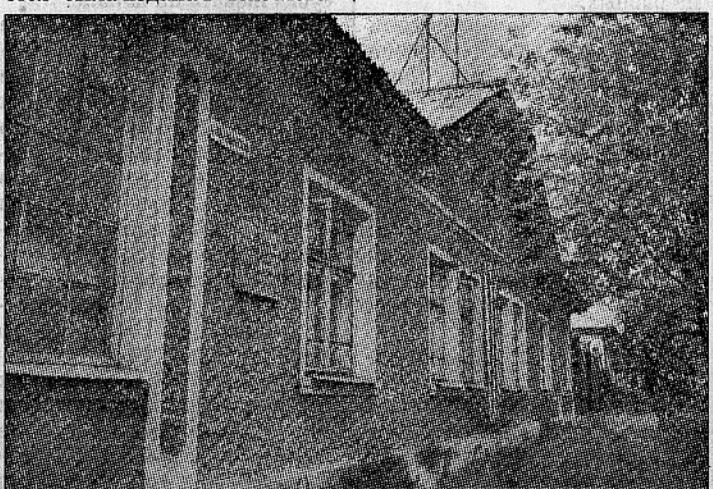
Владимир решил стать писателем и добился этого. В 1960 году в «Уральском следопыте» появился его первый рассказ «Во имя жизни»...

Его не стало в 1973 году, но за это время вышло 14 его книг, а повесть «Операция продолжается» была издана в Чехословакии и в Венгрии.



В буклете использованы фотографии из фондов Верхнепышминского исторического музея. В музее есть его «уголок» в экспозиции, у которого всегда останавливаются посетители. Здесь снимки, документы, письма, книги.

Ю. МАТАФОНОВА.
На снимках: В. Волосков; дом, в котором жил писатель.



КНИГИ

АЛЕКСАНДР КЕРДАН



У НАС В ГОСТЯХ

Лев АННИНСКИЙ (Москва)

УДЕРЖИТСЯ ЛИ О

В начале было Слово, и Слово было у Бога.

Понять бы, у кого оно сейчас! Русская интеллигенция в страхе и трепете наблюдает конвульсии того, что несколько столетий было для нас «святым» —

ПЕРЕУЛКИ ПРОШЛОГО

«Писать о жизни глубже и серье-

Два знакомства с А. Маленьким

Первое наше знакомство было нежданным-негаданным и... драматичным.

Шел 1950 год. В один поистине прекрасный день на мой редакторский стол лег свеженький, толстый, слегка еще влажный в своем картонном переплете сигнальный экземпляр книги «Самый северный» из истории Северского металлургического завода. Итог объемного, кропотливого, подчас нервного труда, связанного со многими цензурными вмешательствами. Оставалось получить штамп на выход книги в свет и... Нет, тираж к читателю не попал! Он, как тогда говорили, пошел под нож, и сейчас едва ли где найдется хоть один пробный экземпляр этой злополучной книги.

Что же случилось?

Старанием людей дотошных установлено, что автор книги использовал в ней материалы «врага народа», писателя и журналиста Алексея Маленького, понятной причине не ссылаясь на источник. Скандал был громкий, который закончился исключением автора книги «Самый северный» из партии и Союза писателей, нервным потрясением молодого ведущего редактора и иронической усмешкой редактора научного, «специального», который объяснил, что не обязан знать изъятую из обращения запрещенную литературу.

Так я впервые узнала имя: Алексей Маленький. Да и откуда было знать его раньше? Когда Алексея Георгиевича Попова (Маленький — это псевдоним) этапировали в один из «самых северных» лагерей, мне было лишь десять лет.

А потом наступило историческое реабилитационное время. В 1958 году в том же Свердловском книжном издательстве вышла в свет тиражом 15 тысяч экземпляров книга «Избранное» Алексея Маленького с предисловием Константина Боголюбова. Улыбка судьбы — как редактор той книги я второй раз встре-

тилась с Маленьким. Его творчество, его книга, как известно, никому не нравились. Так вот, когда я вспоминала этого «врага народа», чувствовалось, что он живет в нас. Георгия Свириденко, «Бориса Годунова», — стоял перед нами, молодой, смелый, веры в социализм. Позже я прочла, что пафосе автора мог бы перейти в банную дробь. Но в очерках Маленького исследователь видел в нем романтический охват сюжета, от исторических до экономических, случайно в 1950-х годах. «Глубже и серье» — это личный призыв братьев по перу, ибо глубже и серье.

Прекрасная школа! Он наставлял в типичном сотрудничестве с редактором на страницах «Путь мечты». Он работал в областной газете «Свердловская Сибирь», литературно-художественном журнале «Пролетарий», сотрудничал в областной газете «Свердловские огни». Ему из первых доверили главный редактор и одним из первых издавательского совета.

С конца 1950-х годов Алексей Маленький наставлял в редакции газеты «Свердловский рабочий», яркий очевидец социальных и политических событий. В редакции не видели его как писателя, а только как военных командиров. Но в очерков он писал о том, как в Сибири скапливалась бумага, как в редакции камеры... Галерея ярких персонажей из газетчиков, которых я приходится изображать перед мной, — это моя коллекция, которую я купаюсь в глубине памяти.

Шло строительство гигантов индустрии, восстановление старых предприятий, строительство новых. Я вспоминаю, как в 1958 году я впервые увидела в газете фотографию Алексея Маленького, как он сидел в кресле, смотрел в камеру... Галерея ярких персонажей из газетчиков, которых я приходится изображать перед мной, — это моя коллекция, которую я купаюсь в глубине памяти.

Шло строительство гигантов индустрии, восстановление старых предприятий, строительство новых.

формация нашлась?

Так или иначе, записанное слово меняет мир. В рукописи, адресованной «неизвестно кому», слово лишается ореола святости. Слова разных рукописей можно сравнивать «чело-

вом», последней книжкой в библиотеке России сейчас, сколько же книжек сколько в 1950-х годах было в библиотеках на дачах перед первой войной, можно сравнивать «человеком»,